

ДЖОН ЛЕ КАРРЕ

•

ДЖОН ЛЕ КАРРЕ

МАЛЕНЬКИЙ ГОРОДОК В ГЕРМАНИИ

СЕКРЕТНЫЙ ПАЛОМНИК

•

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Л33

Серия «Классический остросюжетный детектив»

John le Carré

A SMALL TOWN IN GERMANY

THE SECRET PILGRIM

Перевод с английского *И.Л. Моничева*

Серийное оформление *В.Е. Половцева*

Печатается с разрешения литературных агентств
Curtis Brown UK и The Van Lear Agency LLC.

Ле Карре, Джон.

Л33 Маленький городок в Германии. Секретный паломник :
[романы] / Джон Ле Карре ; [пер. с англ. И.Л. Моничева]. —
Москва : Издательство АСТ, 2017. — 752 с. — (Классический
остросюжетный детектив).

ISBN 978-5-17-098509-8

Каким образом и почему исчез сотрудник британского посольства в ФРГ Лео Хартинг? Неужели и правда, как полагают в Лондоне, под личиной этого мелкого чиновника, который благодаря своему обаянию снискал расположение едва ли не всех дипломатов и даже их жен, много лет скрывался агент КГБ, который теперь просто ушел к своим? Поначалу эмиссар британских спецслужб Алан Тернер, которому поручено вести дело Хартинга, тоже склоняется к этой версии. Но постепенно расследование приводит его к шокирующей правде...

Ветеран британских спецслужб времен «холодной войны» Нед, пригласив на встречу с курсантами легендарного Джорджа Смайли, вместе с ним вспоминает самые интересные эпизоды, имевшие место во время их «тайной службы Ее Величеству». Истории, в которых опасные операции соседствуют с забавными событиями, трагедия порой обращается в фарс, а мелкие ошибки приводят к самым невероятным последствиям.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Le Carré Productions, 1968

© David Cornwell, 1991, 2001

© Перевод. И.Л. Моничев, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-098509-8

МАЛЕНЬКИЙ ГОРОДОК В ГЕРМАНИИ

Пролог

ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ И ПРЕСЛЕДУЕМЫЙ

Десять минут до полуночи: благочестивая пятница в мае — тончайшая пелена речного тумана окутала рыночную площадь. Бонн напоминал в этот час какой-то балканский город, неряшливый и загадочный, сплошь опутанный сверху трамвайными проводами. Бонн был похож на темный дом, где кто-то умер, дом, по католическому обряду задрапированный в черное и охраняемый полицейскими. Их кожаные плащи поблескивали в свете уличных фонарей, а черные флаги нависали над ними подобно простершим крылья огромным птицам. Такое впечатление, что все, кроме полисменов, услышали сигнал тревоги и поспешили сбежать из города. Промчалась машина, торопливо протопал редкий пешеход, и вновь полная тишина. Прогромыхал трамвай, но где-то очень далеко. В витрине бакалейщика поверх пирамиды из консервных банок написанное от руки назойливое объявление призывало: «Срочно пополняйте запасы только у нас!» Разлегшиеся среди россыпей крошек марципановые свинки, похожие на облысевших мышей, напоминали о давно миновавшем Дне Всех Святых.

Только лозунги на плакатах не заставишь замолчать. Расположенные на одном уровне, как будто по особому указанию, они продолжали вести свою никчемную войну с деревьями и с фонарных столбов. Слова на них были выведены светоотражающей краской, их наклеили на листы фанеры, обтянули по краям тонкой каймой из черной материи, и они тарасились на него, как живые, пока он торопливо проходил мимо. «Отправьте иностранных рабочих домой!», «Очистите Бонн от коррупции!», «Объедините сна-

чала Германию, а уж потом — Европу!» Но самый крупный возвышался над всеми — полотнище, растянутое прямо поперек улицы: «Откройте дорогу на Восток, если путь на Запад завел в тупик!» Темные глаза прохожего не обращали на них ни малейшего внимания. Полицейский, постукивая, скорчил ему гримасу, отпустив тяжеловесную шутку по поводу погоды. Другой попытался проверить документы, но быстро отвязался. Третий выкрикнул: «Добрый вечер!» — не получив ответа. Потому что мысли его сейчас занимала одна полная фигура, маячившая в ста шагах впереди и поспешно удалявшаяся по широкому проспекту, то скрываясь под полотнищем очередного черного флага, то снова появляясь в салньо-желтом свете фонаря.

Темнота сгустилась бесцеремонно — серенький денек с легкостью уступил ей место, но ночь выдалась неожиданно морозной, и снова пахло зимой. На протяжении большинства месяцев Бонн — не место, чтобы отслеживать смену времен года. Здешний климат заключен внутри домов. Это климат головных болей, теплый и безвкусный, как вода в магазинных бутылках, климат постоянного ожидания, климат горечи, которой несет от медленного течения реки, климат усталой природы, где даже растительность пробивается с неохотой, а воздух — бывший ветер, потерявший силу на равнине. Поэтому сумерки превращаются всего лишь в зурядное потемнение дневной дымки, когда вдоль унылых улиц включаются люминесцентные лампы фонарей. Но той весенней ночью зима вернулась с кратким визитом, незаметно проскользнув вдоль долины Рейна под разбойничьим покровом тьмы, и заставила их ускорить движение, обжигая непредвиденной стужей. Глаза невысокого мужчины, напряженно устремленные вперед, от холода начали слезиться.

Проспект описал дугу и привел их к желтым стенам здания университета. «Демократы! Вздерните баронов прессы!», «Мир принадлежит молодежи!», «Пусть отпрыски английских лордов просят подавания!», «Акселя Шпрингера — на виселицу!», «Да здравствует Аксель Шпрингер!», «Протест — это Свобода!». Здесь плакаты были гравюрами на дереве, отпечатанными в студенческой типографии. Молодая листва над головами сверкала осколками навеса из зеленого стекла. Освещение стало ярче, а полицейские попадались реже. Мужчины прошли дальше, не усоряя, но и не замедляя шагов. Первый выглядел солидным и деловитым университетским инспектором. Но его походка, хотя и достаточно быстрая, казалась

неловкой и скованной, словно ему было привычнее более величественное окружение — походка исполненного чувства собственного достоинства немецкого бюргера. Короткие взмахи рук, спина совершенно прямая. Знал ли он, что его преследуют? Голову он держал высоко и властно, но скорее по привычке. Человек, привлеченный чем-то замеченным впереди? Или же движимый тем, что осталось сзади? Уж не страх ли не позволял ему обернуться? Хотя уважающий себя господин не вертит зря головой. Второй, более мелкого сложения мужчина непринужденно двигался следом. Призрачно легкий в темноте, он проникал сквозь тени, как сквозь сети, уподобляясь королевскому шуту, тайком готовившему пакость одному из придворных.

Они попали в узкий проулок, где стояла вонь прокисшей еды. И снова со стен на них обрушились печатные крики, на этот раз в типичном для немецкой рекламы духе: «Настоящие мужчины пьют только пиво!», «В знании — сила. Читайте книги издательства “Мольден”!». Здесь впервые сдвоенные отзвуки их шагов раздались четко и синхронно, исключая возможность случайности. Здесь исполненный достоинства мужчина впервые словно очнулся, почувствовав позади опасность. Внешне он всего лишь слегка потерял равновесие, чуть сбившись с решительного ритма своей уверенной поступи, но интуиция заставила его теперь держаться ближе к краю тротуара, в стороне от темноты под стенами домов, и ему явно стало уютнее в более ярко освещенных местах, где фонари и полисмены могли убереечь от угрозы. Но преследователь неумолимо продолжал погоню. «Встретимся в Ганновере!» — вопил плакат. «Карфельд выступает в Ганновере!» «Ждем вас в Ганновере в воскресенье!»

Мимо прокатил пустой трамвай с защитной клейкой сеткой на окнах. Одинокий церковный колокол поднял монотонный трезвон — панихида по христианской добродетели в опустевшем городе. Они продолжали идти, держась теперь ближе друг к другу, но мужчина впереди по-прежнему не оглядывался. Снова свернули за угол, и прямо перед ними возник величавый шпиль Мюнстера, словно вырезанный из тонкого металла на фоне пустоты неба. На первый звон с неохотой откликнулись другие колокола, пока весь город постепенно не наполнился ленивой какофонией бессвязных раскатов. Созыв прихожан на молитву Богородице? Предупреждение о налете вражеских бомбардировщиков? Молодой полицейский, стоявший в проеме входной двери спортивного магазина,

обнажил голову. В портике среди колонн собора в чаше из красного стекла горела свеча. Рядом располагалась лавка, торговавшая предметами религиозного культа. Толстяк приостановился, склонился вперед, делая вид, что рассматривает витрину, а потом бросил взгляд вдоль улицы, и в этот момент свет из окна обрисовал черты его лица. Более низкорослый мужчина побежал вперед, замер на месте, снова побежал, но было слишком поздно.

Подъехал лимузин, «опель-рекорд», за рулем которого сидел бледный человек, скрытый тонированным стеклом. Задняя дверь распахнулась и захлопнулась, машина медленно и тяжело набрала скорость, оставив без ответа единственный резкий возглас, вопль, полный ярости и обличения, крайней растерянности и отчаянной злости, словно посторонней силой исторгнутый из груди того, кто издал его. Крик коротко огласил пустынную улицу и сразу же затих. Полисмен развернулся и включил фонарик. Попав в его луч, маленький мужчина не двигался, пристально глядя вслед лимузину. Трясаясь по брусчатке мостовой, скользя на мокром металле трамвайных путей, не обращая внимания на сигналы светофоров, он скрылся в западном направлении, устремившись к подсвеченным окнами домов холмам в отдалении.

— Кто вы такой?

Луч фонаря задержался на пальто из английского твида, слишком ворсистого для человека столь малого роста, на дорогих и модных ботинках, заляпанных серой грязью, на темных немигающих глазах.

— Кто вы такой? — повторил вопрос полицейский уже громче, потому что колокольный звон доносился теперь отовсюду, отдаваясь неумолчным и чуть зловещим эхом.

Маленькая рука скрылась в складках пальто и достала кожаный бумажник. Полисмен осторожно взял его и открыл застежку, одновременно жонглируя фонариком и черным пистолетом, который неловко держал сначала в левой руке.

— Что случилось? — спросил полицейский, возвращая бумажник владельцу. — Почему вы кричали?

Низкорослый, не отвечая, сделал несколько шагов вдоль тротуара.

— Вы никогда не видели его прежде? — спросил он, все еще глядя вслед автомобилю. — Не знаете, кто это был?

Он говорил медленно и тихо, как говорят в доме, где наверху спят дети, неуверенным голосом человека, предпочитавшего молчать.

— Нет.

Заостренное, морщинистое лицо озарилось умиротворенной улыбкой.

— Прошу прощения за свою глупейшую ошибку. Показалось, я узнал его. — Произношение не было ни чисто английским, ни правильным немецким, а сознательно выбранной для нейтральной территории смесью и того и другого. И, как казалось, он мог немного менять его в ту или другую сторону, если так было удобнее слушателю. — Это все от погоды, — продолжал низкорослый мужчина, явно не собираясь заканчивать разговор. — Когда внезапно холодает, начинаешь чаще всматриваться в других людей. — Он открыл жестянку с короткими и тонкими голландскими сигарами, предложив одну полисмену. Тот отказался, и мужчина закурил сам.

— Нет, это от уличных беспорядков, — так же негромко отозвался полицейский. — Знамена, лозунги. Мы все сейчас нервничаем. На этой неделе в Ганновере, на прошлой — во Франкфурте. Нарушен естественный порядок вещей. — Он был молодым еще офицером, но прошел обучение, чтобы получить звание. — Нужно почаще использовать запреты, — добавил он расхожую фразу. — Как поступают коммунисты.

Потом он небрежно отсалютовал. Незнакомец улыбнулся прощальной открытой улыбкой, выразившей симпатию, намек на дружелюбие, неохотно сделавшись потом опять серьезным. И стал удаляться. Оставшись на прежнем месте, полисмен внимательно вслушивался в затихавшие шаги. Вот человек остановился, затем пошел снова, уже быстрее и увереннее. Или у него разыгралось воображение?

— В Бонне, — сказал он себе, подавляя вздох и вспоминая легкую походку незнакомца, — каждая муха занимает какую-нибудь высокую должность.

Затем он достал блокнот и тщательно занес в него время и место инцидента, кратко описав суть происшествия. Он не считался особенно сообразительным сотрудником, но его ценили за наблюдательность и аккуратность. Покончив с этим, он добавил в блокнот еще и номер машины, который как-то сам собой удержался в его памяти. Внезапно полисмен замер и уставился на только что напи-

санные строчки. На фамилию, на номер автомобиля. Ему вспомнился полный мужчина с его широкими, маршевыми шагами, и сердце учащенно забилось. Он подумал о секретной инструкции, вывешенной на доске объявлений комнаты отдыха полицейского участка, о небольшой нечеткой фотографии, уже давно попавшейся ему на глаза. И, сжимая блокнот в руке, он помчался к ближайшей телефонной будке так быстро, насколько позволяли тяжелые форменные башмаки.

В одном немецком городке,
Где тишь и глухомань,
Однажды жил сапожник
По имени Шуман.
«Их бин айн музыкант,
Влюблен в свой Фатерлянд.
Стучу я в барабан,
И в этом мой талант!»

Застольная песня пьяных британских солдат на оккупированной территории Германии, часто исполнявшаяся с непристойными вариациями на мотив «Военного марша»

Глава 1

МИСТЕР МЕДОУЗ И МИСТЕР КОРК

— Почему бы тебе не выбраться наружу и не пройтись пешком? Будь я в твоём возрасте, так и поступил бы. Гораздо быстрее и приятнее, чем торчать среди этого сброда.

— Со мной все будет в порядке, — отозвался Корк, альбинос-шифровальщик, и бросил обеспокоенный взгляд на старшего товарища, сидевшего рядом с ним за рулем. — Поспешать надо медленно, — примирительно добавил он.

Корк был кокни с очень белой кожей, и его тревожило, когда он видел Медоуза в столь взвинченном состоянии.

— Нам надо просто и спокойно воспринимать все, что с нами происходит, верно, Артур?

— А мне так и хочется столкнуть их всех к чертовой матери в Рейн.

— Вы же сами понимаете, что никогда не сделаете ничего подобного.

Субботнее утро, девять часов. Дорога от Фрисдорфа до посольства была забита машинами протестующих, тротуары уставлены портретами лидера Движения, а поперек проезжей части натянули лозунги, как во время митинга. «Запад нас обманул. Германия может без стыда обратиться к Востоку». «Немедленно прекратите навязывать нам культуру кока-колы!» И в самом центре нескончаемой колонны автомобилей застряли Корк и Медоуз. Оба вели себя тихо, хотя вокруг гремел нескончаемый громкий концерт клаксонов. Порой звуки принимали организованный характер. Серия гудков начиналась где-то впереди, а потом медленно продвигалась к хвосту, в итоге напоминая шум низко пролетавшего